

ЛИА ТАУР
ЭЛЛА МИНТ

ПРОСТО
ЧЯЧЯ #7

Ольга Риви
Лиа Таур
Просто няня – 7
Серия «Просто няня», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74634781

Аннотация

Я и представить не могла, что подарок на Восьмое марта забросит нас из заснеженной Москвы на солнечный берег, где море и песок смывают все сомнения. Поначалу эта роскошь казалась мне чужой, а я – лишней в этой красивой картинке. Но именно там, вдали от дома, мой суровый босс окончательно разрушил стену, которую я так упорно строила между нами. Это были дни, наполненные не только солнцем, но и смехом, неловкими открытиями и тихим счастьем. Я впервые позволила себе просто быть рядом с ним и его детьми, не как няня, а как часть чего-то целого. Мы вернулись другими – не просто отдохнувшими, а по-настоящему нашедшими друг друга.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лиа Таур и Элла Минт

Просто няня. Том 7

Глава 1

Восьмое марта вломилось в дом Соколовых без стука, как и положено празднику в семье, где энергия троих детей способна питать небольшой город. Я ещё не успела допить свой утренний кофе, как меня взяли в плотное кольцо. С одной стороны повисла Алина, благоухающая шоколадной пастой, с другой – Кира, а Марк стоял напротив, приняв торжественную позу.

– Дарья Ивановна, это вам! – пропищала Алина, тыча мне в лицо листом бумаги. На нём фиолетовой краской был изображён осьминог с моими глазами и широченной улыбкой. Шедевр, не иначе.

Кира молча протянула свой рисунок: тонкая, изящная веточка мимозы, каждый шарик которой был прорисован с невероятной точностью. Я с нежностью посмотрела на неё, и она почти, почти улыбнулась в ответ.

– А от меня – научный доклад! – гордо объявил Марк, поправляя очки. – Тема: «Историческое и социокультурное значение Международного женского дня в контексте глобальных эмансипационных процессов».

Я расхохоталась и обняла их всех разом, стараясь не раздавить Марка и не смазать Алинин шедевр. В груди разливалось тёплое счастье. Такое простое, оглушительное счастье.

Мы сидели на кухне, доедая оладьи, и я пыталась оттереть фиолетовые разводы с фартука, когда в дверном проёме появился Андрей. В одной руке он держал чашку кофе, а сам был в простой серой футболке и домашних штанах. Без идеально сидящего костюма, без ледяной брони, с чуть взъерошенными волосами, он выглядел до неприличия обычным. И от этого моё сердце сделало кульбит.

– С праздником, – его утренний голос с хрипотцой заставил мурашки пробежать по спине.

– Спасибо, – я растянула губы в самой широкой улыбке, на которую только была способна, чувствуя, как заливаются краской щёки. – И вас... хотя вас, кажется, не с чем.

Дети прыснули в кулаки. Андрей едва заметно усмехнулся и протянул мне... нет, не цветы и не конфеты. Он протянул мне обычную тёмно-синюю папку для документов.

Я замерла. В голове пронёсся ураган мыслей. Увольнение? За что? За пижаму с пингвинами? За то, что разрешила детям устроить бой подушками? Или новый свод правил, где прописан запрет на смех после десяти вечера?

– Это что? – с плохо скрываемым ужасом спросила я, принимая папку.

– Подарок, – просто ответил он. – Открывайте.

Я сглотнула, чувствуя себя как на экзамене. Пальцы не

слушались, но я всё же расстегнула замок. Внутри, в прозрачных файлах, лежали не приказы и не иски. Там были билеты на самолёт. Пять штук. И ваучер на отель с весёлым названием «Costa de la Risa». И подробная программа развлечений на целую неделю.

Испания. На всю семью. И на меня. Моё имя, «Дарья Ивановна Потапко», было аккуратно впечатано в каждый бланк.

Я подняла на него глаза, потом снова уставилась в документы. Мой мозг отказывался верить. Испания? Солнце? Море? Вся его семья и я? В купальнике? Рядом с ним... в плавках? От последней мысли стало совсем жарко.

– Андрей... – всё, что я смогла выдохнуть. – Спасибо. Это... это просто...

Я аккуратно закрыла папку, словно боялась, что билеты разлетятся, и протянула её обратно.

– Я не могу это принять.

Его лицо, секунду назад такое расслабленное и домашнее, начало медленно каменеть.

– Почему? – в голосе послышался холод.

– Ну как почему? – заюлила я, чувствуя себя ужасно неловко под взглядами детей. – Андрей, это слишком дорогой подарок. Это же целое состояние! Я ведь на работе. Я просто няня. Это... неправильно. Я буду чувствовать себя обязанной.

Я сама не понимала, что несу, но знала одно: была черта, которую я не могу переступить. Черта между работой и...

не работой. Тем, от чего я так отчаянно пыталась защитить своё глупое сердце.

– Няня, – тихо, но с убийственным нажимом повторил Андрей. – Значит, вы всё ещё так себя воспринимаете. Понятно.

Папку он не взял. Он просто смотрел на меня. Долго, пристально, и в этом взгляде было столько разочарования, что мне захотелось провалиться сквозь землю. Счастливая утренняя атмосфера лопнула, как мыльный пузырь.

– Хорошо, – отрезал Андрей, резко разворачиваясь. – Мы поговорим об этом вечером. Когда дети лягут спать.

Он ушёл, а я осталась стоять посреди кухни, прижимая к груди синюю папку. Билеты в рай казались путёвкой в самый эпицентр моих проблем. А его последняя фраза звучала не как обещание, а как угроза.

* * *

Весь день меня штормило. Нет, даже не так. Меня колбасило, как говорят у нас в Ростове. Дети, кажется, заразились моим настроением и ходили по струнке. Даже Алина, которая обычно требовала устроить парад планет в её честь, сегодня тихонько рисовала в уголке.

А виной всему была синяя папка. Проклятая синяя папка с билетами, которая лежала на комодe и, казалось, светилаcь неоновым огнём, видимым только мне.

Я подходила к ней раз сто. Открывала, смотрела на своё имя «Дарья Потапко» рядом с его «Андрей Соколов», и сердце совершало кульбит, раз за разом падая в район коленок. Это было слишком. Слишком неправильно и слишком... жёланно. Вечерний разговор с Андреем, который он анонсировал утром, нависал надо мной, как последний экзамен в университете, который ведёт особенно принципиальный преподаватель, который ты точно завалишь.

Когда дом наконец погрузился в тишину, я налила себе огромный стакан воды, осушила его одним махом, словно это была стопка водки для храбрости, и поплелась в логово зверя – кабинет Соколова.

Дверь была чуть приоткрыта. Он стоял ко мне спиной у огромного окна, за которым раскинулся его идеальный, подсвеченный фонарями сад. Высоченный, плечистый, даже в простой серой футболке он выглядел так, будто мог одной рукой остановить поезд. Руки в карманах дорогих брюк, плечи напряжены. Явно ждал.

– Можно? – пискнула я, потому что голос вдруг сел.

Андрей медленно обернулся. В полумраке кабинета его лицо казалось ещё более резким, словно высеченным из гранита. Только вот глаза... В них плескалась такая вселенская усталость, что мне на миг захотелось подойти и просто обнять его.

– Даша, – он кивнул на кресло. – Садись.

Я уселась на самый краешек, вцепившись в ту самую пап-

ку, как в спасательный круг. Андрей обошёл стол и сел напротив. Сложил руки в замок, и я невольно засмотрелась на его длинные сильные пальцы.

– Я хочу понять, – начал он ровным, почти безжизненным голосом, от которого у меня по спине пробежал холодок. – Почему ты так упорно держишься за эту роль? За статус «работницы»?

Ну, началось. Представление «Как Даша Потапко сама себе роет яму».

– Андрей, я же тебе утром всё сказала...

– Ты сказала какую-то ерунду, – отрезал он, даже не моргнув. – Дело не в деньгах. И не в том, что ты кому-то что-то «обязана». Какая настоящая причина, Даш?

Я уставилась в пол. Ну как, как ему объяснить весь этот ураган в моей голове? Этот липкий страх, который поселился во мне с того самого дня, как я поняла, что влипла. По уши. Что этот ледяной король с холоднющими серыми глазами и упрямым подбородком стал для меня важнее, чем воздух.

– Я... я боюсь, – выдавила я шёпотом, не поднимая головы.

– Меня?

– Слухов, – я наконец заставила себя посмотреть ему в глаза, умоляя понять. – Ты же Андрей Соколов! Олигарх! А я... я Дашка Потапко из Ростова. Смешная юбка в горошек, не самый свежий маникюр. Что скажут все эти твои... люди?

Партнёры, друзья? Что Соколов с нянькой связался? С прислугой? Это же удар по твоей репутации! По бизнесу! Я не хочу быть той, кто создаёт тебе проблемы.

Он смотрел на меня долго, не перебивая. Его лицо было непроницаемой маской, и я с каждой секундой всё больше паниковала. Ну вот и всё. Сейчас он поймёт, что я права, кивнёт и вежливо выставит за дверь. Но он вдруг резко встал. Обошёл стол, одним движением оказался рядом и, схватив меня за руку, рывком заставил подняться.

Я только и смогла, что пискнуть от полной неожиданности. Он стоял так близко, что я уткнулась носом ему прямо в ключицу. И теперь могла во всей полноте насладиться его до головокружения мужским ароматом – дорогой парфюмом, кофе и, кажется, мятная зубная паста.

– И это всё? – его хриплый голос прозвучал вплотную к моему уху. – Тебя волнует, что скажут какие-то напудренные куклы и мужики в пиджаках, которых ты в глаза не видела?

– Но они же важны для тебя!

Вместо ответа он сделал то, чего я боялась и о чём мечтала бессонными ночами. Он притянул меня вплотную, одной рукой сжав мою талию так, что я забыла, как дышать, а вторую запустив в волосы на затылке, сгребая их в кулак. И поцеловал.

Это был не поцелуй-знакомство. Это был поцелуй-требование, поцелуй-утверждение. Страстный, жадный, почти злой от долгого ожидания. Он сминал мои губы, не давая

опомниться, выбивая из головы все страхи, все сомнения, всю мою ростовскую «житейскую мудрость».

И я сдалась. Обвила его шею руками и прижалась ещё ближе, хоть и казалось, что это уже невозможно. Ответила на его поцелуй всей своей накопившейся нежностью, тоской и отчаянием. Весь мир, все эти «что скажут люди» и «так не положено» схлопнулись до одной точки. До его губ, его сильных рук и бешеного стука двух сердец, которые вдруг забились в одном ритме.

Когда он наконец оторвался от меня, мы оба дышали так, будто пробежали марафон. Он прижался своим лбом к моему, не выпуская из объятий.

– Мне плевать, что они скажут, – прошептал он прямо в губы, и от этого шёпота по телу вновь побежали мурашки. – Слышишь? Абсолютно плевать. Ты очень давно уже не няня. Ты – моя женщина. И мать моих детей, пусть и не по крови.

Он чуть отстранился, заглядывая мне в глаза. И в его собственных, обычно таких холодных, сейчас плескалось столько тепла и неприкрытой нежности, что у меня снова перехватило дыхание. Уголок его губ дрогнул в знакомой усмешке.

– И кстати, билеты невозвратные. А номер в отеле я забронировал один. С одной кроватью. Очень большой.

Мои щёки вспыхнули, как два пожара. Но в этот раз я не отвела взгляд. Не попыталась вырваться. Вместо этого я сделала то, на что никогда бы не решилась ещё пять минут назад. Я снова притянула его лицо к себе и поцеловала. Сама.

Нагло, смело, вложив в этот поцелуй всю свою донскую душу.

Кажется, мой рейс в Ростов отменяется. Навсегда.

Глава 2

После того вечера, когда Андрей так просто и буднично сказал, что я – его женщина, мир словно сбросил старые настройки и перезагрузился. Всё вокруг стало каким-то другим. Воздух в его огромном доме больше не пах бездушными деньгами или одиночеством.

Он пах надеждой. И определённо свежесваренным кофе, который Аркадий теперь готовил с загадочной улыбкой, будто знал некий секрет. Я порхала по комнатам, едва касаясь пола, и мне казалось, что даже вечно недовольная экономка Валентина Ивановна смотрит на меня как-то по-новому, с проблеском чего-то похожего на уважение в строгих глазах.

А дети... Дети, узнав, что поездка в Испанию всё-таки состоится, устроили в доме настоящий ураган. Они носились по коридорам, как маленькие дикари, вопя во всё горло: «Испа-а-ания! Коста-де-ла-Риса!». Марк, вооружившись планшетом, пытался научить всех полезным фразам.

– Повторяйте! – командовал он. – «Donde esta la biblioteca?» Это значит «Где библиотека?».

– Зачем нам в Испании библиотека? – отмахивалась Кира, которая впервые за долгое время выглядела почти счастливой. – Лучше выучи, как попросить ещё мороженого!

Алина же просто бегала за ними с криком «Ола!», считая, что этого вполне достаточно для международной коммуни-

кации.

И посреди всей этой радостной кутерьмы, наконец наступил день сборов.

Я распахнула дверцы своего шкафа и замерла, со всего размаху врезавшись в холодную и жестокую реальность.

На вешалках уныло висела вся моя небогатая ростовская жизнь. Вот простенькая блузка, в которой я приехала сюда на собеседование. И та самая смешная юбка в горошек, которая до сих пор казалась мне верхом очарования. Вот пара футболок с надписями «Don't worry, be happy» и «Королева драмы». Пара джинсов, переживших со мной и учёбу в универе, и первые попытки работать. На полке, свернувшись калачиком, грустила моя любимая пижама с пингвинами. И на этом, собственно, и всё. Весь мой арсенал для покорения роскошного испанского курорта.

Волна паники моментально поднялась от пяток к горлу. Я обескураженно села на край кровати. И закрыв глаза, я очень живо представила картину.

Вот Андрей, в каких-нибудь небрежно-элегантных льняных брюках и белоснежной рубашке, смотрит на море. А рядом с ним – я. В юбке в горошек. Или, чего доброго, в пижаме с пингвинами. Его женщина. Господи, это даже для комедии было слишком.

Видимо, моя вселенская скорбь создавала вокруг себя какое-то особое поле, потому что детский гвалт в коридоре стих. Через секунду в дверном проёме показались три голо-

вы, а ещё через секунду они рассыпались по комнате, словно так и надо.

– Дарья Ивановна, у вас что-то случилось? – первым нарушил тишину Марк, деловито поправляя очки. – Согласно последним исследованиям, процесс упаковки чемоданов вызывает острый стресс у шестидесяти семи процентов женщин. Ваша реакция вполне типична.

– Марк, я сейчас вхожу в те сто процентов женщин, которым просто нечего положить в этот чёртов чемодан, – тоскливо выдохнула я, беспомощно махнув рукой в сторону пустого саквояжа на полу.

– А то красивое платье? – тоненько пискнула Алина, заглядывая в шкаф. – Ну, в котором вы были на дне рождения у папы? Оно же такое... блестящее!

Я мысленно застонала. То единственное приличное платье, купленное по совету подруги Светки на какой-то сумасшедшей распродаже, сейчас казалось мне верхом безвкусицы. Я представила его рядом с нарядами женщин, которые наверняка отдыхают на «Costa de la Risa», и мне захотелось провалиться сквозь землю.

И в этот самый момент, будто по сценарию плохого фильма, внизу пронзительно звякнул дверной звонок. Прошло не больше минуты, как по лестнице зацокали дорогие каблочки, и в моей комнате материализовалась она. Вероника Звездинская. Вся такая идеальная, в безупречном бежевом брючном костюме, который стоил, наверное, как моя квартира в

Ростове. С укладкой волосок к волоску и таким выражением на лице, будто она зашла в общественный туалет на вокзале. За её спиной, как тень, маячил Григорий. Только вместо косы у него на плечах громоздились три гигантских чемодана от Луи Виттон.

– Привет всем! Андрей попросил заехать за мной, чтобы нам всем вместе отправиться в аэропорт, – пропела Вероника своим медовым голосом, от которого у меня всегда сводило зубы. Она окинула мою скромную комнатуху, мой сиротливый гардероб и пустой чемодан таким взглядом, что я почувствовала себя тараканом под микроскопом. – О, Даша, ты тоже едешь? Как... мило с его стороны. Андрей такой щедрый, раз решил вывезти на море весь обслуживающий персонал.

Щёки тут же запылали от прилившей к ним крови, и я даже подскочила со своего места, не желая выглядеть в её глазах такой жалкой. Дети за моей спиной замерли, словно бы их тут вовсе нет.

– Я не... – начала было я, но Вероника грациозно взмахнула рукой, обрывая меня на полуслове.

– Проблемы с упаковкой? – она сочувственно скривила свои идеальные губы, что выглядело ещё более оскорбительно. – Я так и знала. Не переживай, милочка. Я, как видишь, подготовилась основательно. Уверена, смогу одолжить тебе что-нибудь... приличное. Какую-нибудь тунику, например. Чтобы прикрыть... ну, ты понимаешь. Мы же не можем до-

пустить, чтобы ты смушала Андрея своим видом на людях, правда?

Она подмигнула мне, развернулась на каблуках и прошествовала по коридору в гостевую комнату, оставив вместо себя удушающий шлейф дорогих духов с тонкими нотами моего тотального унижения.

Я сжала кулаки так, что ногти впивались в ладони. В голове проносились такие забористые выражения, что если бы я их произнесла, у Вероники завяли бы уши. Но я молчала. Ради детей. И ради Андрея.

Григорий, который всё это время молча стоял в коридоре, вдруг скрылся из виду. Чтобы ещё буквально через несколько секунд вернуться и поставить рядом с тремя брендовыми монстрами Звездинской одну-единственную небольшую спортивную сумку из плотной серой ткани. Не брендовую. Просто крепкую, надёжную, выдавшую виды сумку, немного потёртую на углах. Потом он поднял на меня свои невозмутимые глаза, в которых я впервые увидела что-то похожее на поддержку, едва заметно кивнул и так же молча скрылся из виду вновь.

Я перевела взгляд с трёх гигантских монстров от Луи Виттон, набитых брендами и высокомерием, на эту скромную сумку. В ней, я была уверена, лежало всё, что нужно настоящему мужчине для любой поездки. А потом я посмотрела на свой пустой чемодан.

Кажется, я знаю, что мне нужно взять с собой в первую

очередь. Чувство собственного достоинства. Оно хоть и не брендовое, но, к счастью, совсем не занимает места.

* * *

Частный самолёт оказался не таким уж и страшным зверем, как я его себе малевала. Даже наоборот. Был в этом полёте особый, по-настоящему семейный уют. Особенно когда маленькая Алина, набегавшись по салону, наконец-то уснула у меня на коленях, доверчиво прижавшись щекой к моей руке. За иллюминатором проплывали облака, пышные и белые, как крем на торте, и я, глядя на них, поймала себя на совершенно крамольной мысли: я бы, пожалуй, могла к такому привыкнуть. К этим облакам, к этому ощущению полёта над суетой.

Андрей сидел напротив, погружённый в свой ноутбук. Но работа работой, а я то и дело ловила на себе его взгляд – быстрый, какой-то очень тёплый, от которого у меня внутри всё переворачивалось и сердце начинало биться в два раза быстрее. Он смотрел секунду, уголки его губ чуть заметно дёргались в подобии улыбки, и он снова утыкался в экран. А я сидела и краснела, как дурочка. Вероника, слава всем богам, почти сразу нацепила маску для сна и огромные наушники, всем своим видом показывая, что она выше нашего «простонародного» мирка. Ну и пусть себе сидит, как мумия в саркофаге.

Но вся моя обрётённая в небесах смелость испарилась, как утренний туман, стоило дверям нашего микроавтобуса с надписью «Гранд Мирамар» разъехаться в стороны. Я шагнула на раскалённую солнцем плитку и замерла, не в силах даже закрыть рот.

Какой к чёрту отель? Это был дворец! Настоящий дворец, как в сказках про принцесс. Белоснежный, исполинский, с колоннами, которые как будто подпирали само небо. Вокруг росли пальмы, похожие на гигантские зелёные фонтаны, а швейцар в такой ослепительно-белой форме, что глазам становилось больно, поклонился нам так низко, будто мы были как минимум королевской семьёй на выезде.

Внутри оказалось ещё хуже. Я говорю «хуже», потому что моя самооценка, и без того невеликая, стремительно рухнула вниз, пробив мраморный пол. А пол был отполирован до такого зеркального блеска, что в нём можно было увидеть своё отражение. И я видела – растерянную девчонку в простенькой блузке и смешной юбке в горошек, которая явно перепутала двери и вместо булочной зашла в Эрмитаж. Вокруг журчали самые настоящие фонтаны, пахло властью. Вот знаете, такой особый запах дорогих духов, кожи и огромных денег. А под потолком, в центре всего этого великолепия, висела люстра размером с мою ростовскую кухню.

– Вау! – только и смогла выдохнуть Кира, напрочь забыв о своей привычке прятаться за волосами.

– Согласно архитектурному плану, это здание относится

к стилю нео-барокко с элементами средиземноморского модернизма, – тут же вставил свои пять копеек Марк, важно задрав голову в очках.

Одна Алина не растерялась и уже крутилась на месте, заливисто хохоча и пытаясь поймать солнечные зайчики, которые плясали на блестящем полу.

Пока дети с открытыми ртами осваивали новое пространство, а невозмутимый Григорий молчаливо выгружал наш багаж (включая три чемодана от Луи Виттон размером с небольшой гроб, принадлежавших, конечно же, Веронике), я решила, что пора брать ситуацию в свои руки. Хватит чувствовать себя бесплатным приложением! Я, в конце концов, спутница Андрея Соколова, а не его чемодан.

Андрей уже было двинулся к высокой стойке регистрации, но я, набрав в грудь побольше воздуха, опередила его, сделав решительный шаг вперёд.

– Я сама! – брякнула я, стараясь, чтобы голос звучал как можно увереннее.

Андрей удивлённо приподнял бровь, но послушно отступил на шаг назад, скрестив руки на груди. В его серых глазах плясали озорные смешинки. Он явно ждал представления. За его спиной я буквально кожей почувствовала испепеляющий взгляд Вероники. Ну, Потапко, не ударь в грязь лицом!

За стойкой стоял молодой, до неприличия красивый парень с аккуратной табличкой «Javier». Он улыбнулся мне белозубой голливудской улыбкой, и я даже на пару секунд за-

была, как меня зовут и зачем я вообще сюда пришла.

– Hello! How can I help you? – пропел он бархатным голосом.

Так, спокойно, Даша. Английский. Ты же его в школе учила. Что-то там про Лондон, который из э кэпитал оф Грейт Британ.

– Хэллоу! – выпалила я, растянув губы в ответной улыбке, которая, наверное, больше походила на нервный оскал. – Нам бы... это...

Я запнулась. Господи, как по-английски будет «номер»? Room? Но это же просто комната. А у нас их несколько. И вообще, бронировал-то всё Андрей Игоревич.

Хавьер смотрел на меня с вежливым недоумением, его улыбка стала чуть менее уверенной. Я запаниковала. Мой мозг, в котором обычно роились тысячи слов, вдруг стал абсолютно пустым и стерильным, как этот холл. Я чувствовала, как огнём горят щёки, как сверлит мне спину победный взгляд Вероники и как тихонько посмеивается за спиной Андрей.

Надо было что-то делать. И я сделала. Я решила использовать весь свой богатый лингвистический опыт разом.

– Нам, это... нумберо! – с фирменным ростовским акцентом заявила я, уверенно ткнув пальцем в сторону нашей разношёрстной компании. – На фамилию Соколов. Por favor!

Последнее слово я произнесла с особым шиком, как мне показалось. Ну, хоть что-то из уроков Марка пригодилось,

не зря же я слушала.

Лицо красавчика Хавьера вытянулось. Он непонимающе захлопал своими длиннющими ресницами. Он явно пытался сопоставить мой «нумберо» с русским акцентом и испанским «пожалуйста». Получалось у него, откровенно говоря, плохо. Он растерянно перевёл умоляющий взгляд с меня на Андрея, и в его глазах читалась немая мольба о помощи.

Я была готова сгореть со стыда. Прямо здесь, на этом идиотском мраморном полу, превратиться в горстку пепла.

И тут я услышала тихий, сдавленный смех за спиной. Андрей подошёл ко мне, мягко положил руку мне на талию и притянул к себе, словно защищая.

– Прошу прощения, – сказал он портье на идеальном, беглом английском, от которого у меня покраснели, наверно, даже уши. – Моя спутница немного устала с дороги. У нас забронированы два люкса и один президентский номер на имя Андрея Соколова.

Хавьер тут же просиял, как начищенный пятак, застучал по клавиатуре и через секунду уже протягивал нам пачку карточек-ключей. Вероника фыркнула так громко, что, кажется, один из фонтанов поперхнулся и зажурчал тише.

– Спасибо, – прошептала я, утыкаясь носом в твёрдое плечо Андрея.

– Не за что, – так же тихо ответил он мне на ухо, и от его горячего дыхания по моей шее пробежали мурашки. – Твой «нумберо пор фавор» был незабываем. Я, пожалуй, включу

его в свой деловой лексикон.

Он говорил это без капли насмешки, а с такой ласковой нежностью, что моё жгучее унижение мгновенно растаяло, сменившись волной всепоглощающего тепла. Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде было столько восхищения и обожания, что я забыла и про Веронику, и про свой факап, и про то, что мы здесь не одни.

Кажется, я начинаю понимать этот язык. Язык, на котором говорят его глаза. И для него, слава богу, не нужен переводчик.

Глава 3

Бассейн в отеле «Гранд Мирамар» был не просто бассейном. Это было настоящее бирюзовое озеро, затерянное среди тропического рая. Вода в нём была такой прозрачной, что на дне виднелся каждый камушек мозаики. Вокруг этого великолепия раскинулись пальмы, лениво покачивающие своими зелёными лапами, а между ними стояли белоснежные шезлонги, которые так и манили прилечь. Воздух был пропитан сладким ароматом дорогих солнцезащитных кремов, лёгким запахом хлорки и ощущением абсолютного, почти неприличного богатства и покоя.

Мои подопечные, кажется, решили, что их телепортировали прямиком в филиал детского рая на Земле. Алина, похожая на маленькую розовую комету в своём ярком купальнике, визжала так, что закладывало уши. Андрей Игоревич, забыв про свой статус и миллиарды, подбрасывал её в воздух, и она с оглушительным «плюхом» и фонтаном брызг исчезала под водой, чтобы через секунду вынырнуть, хохоча и отфыркиваясь. Кира, моя молчаливая колючка, которая ещё совсем недавно смотрела на мир исподлобья, теперь всюю рассекала водную гладь, устроив заплыв наперегонки с Марком. Её смех, такой редкий и оттого особенно драгоценный, разлетался над бассейном, и мне казалось, что я слышу самую красивую музыку на свете.

А я... я просто лежала на шезлонге под спасительной тенью огромного зонта. На носу – тёмные очки, в руке – стакан с ледяным лимонадом. Я смотрела на всю эту картину и чувствовала, как моё сердце плавится от нежности, словно забытый на солнце пломбир.

Я смотрела на них всех, но чаще всего – на Андрея. Мокрого, растрёпанного, с волосами, прилипшими ко лбу, и абсолютно счастливой, мальчишеской улыбкой. В этот момент он не был грозным олигархом Соколовым, хозяином заводов, газет, пароходов. Он был просто папой. Лучшим папой на свете, который самозабвенно дурачился со своими детьми. И от этой простой мысли внутри разливалось такое тепло, что хотелось зажмуриться и поставить этот момент на вечную паузу.

Но, как известно, в бочке мёда всегда найдётся своя ложка дёгтя. В моём случае эту ложку звали Вероника.

Она оккупировала соседний шезлонг, но не для того, чтобы наслаждаться солнцем и морем. О нет, Вероника Звездинская не отдыхает. Она работает. Всегда и везде. В своём ослепительно-белом купальнике, который, я была уверена, стоил как моя годовая зарплата, она выглядела как модель с обложки. На коленях у неё покоился ноутбук, и она с невероятной скоростью стучала по клавишам, вглядываясь в экран так, будто от этого зависела судьба человечества. Каждый раз, когда до неё долетали радостные визги моих детей, её идеальные губы недовольно поджимались, а в нашу сто-

рону летел взгляд, способный заморозить воду в бассейне.

Я уже решила плюнуть на неё и вернуться в свою персональную нирвану, как вдруг боковым зрением уловила какое-то движение. Из густой тени, которую отбрасывало здание отеля, к бассейну направлялась до боли знакомая фигура. Крепкая, подтянутая, молчаливая. Григорий.

Он шёл своей фирменной походкой – неторопливой, упругой походкой хищника, который всегда начеку. Его взгляд был направлен точно в цель, не отвлекаясь на окружающие раздражители. И этой целью, к моему полнейшему изумлению, был шезлонг, на котором восседала ледяная королева Вероника.

Я замерла, превратившись в слух и зрение. Что понадобилось телохранителю от бизнес-партнёрши босса? Может, Андрей Игоревич передал через него какое-то срочное поручение? Григорий подошёл к ней и застыл в метре от шезлонга, словно гранитное изваяние. Вероника, поглощённая своими цифрами, заметила его не сразу.

– Вероника Андреевна, – произнёс он своим обычным ровным голосом, в котором эмоций было меньше, чем в прогнозе погоды.

Она вздрогнула и медленно подняла на него глаза. Взгляд был такой, будто на край её бокала с шампанским села назойливая муха.

– Что тебе нужно, Григорий? – процедила она сквозь зубы, всем своим видом показывая, что он отрывает её от спасения

мира.

Григорий, казалось, был сделан из титана. Её ледяной тон отскочил от него, не причинив никакого вреда. Он чуть склонил голову набок, будто производя рекогносцировку местности.

– Согласно проведённому анализу обстановки, ваше текущее местоположение с четырнадцать ноль-ноль до шестнадцати тридцати будет находиться в зоне прямого солнечного облучения. Уровень инсоляции максимальный.

Наступила такая тишина, что я услышала, как у кого-то на другом конце бассейна звякнул лёд в стакане. Я медленно сняла очки, боясь, что ослышалась. Это что сейчас было? Он серьёзно? Это такой... тактический подкат? Пикап в стиле спецназа?

Вероника смотрела на него во все глаза. Её брови удивлённо поползли вверх, а на лице застыло выражение абсолютно-го, вселенского недоумения. Она явно не могла понять, это такая странная шутка или он и вправду это говорит. Но лицо Григория оставалось непроницаемым.

– Рекомендую сменить дислокацию на более затенённый квадрат, – невозмутимо продолжил он. – Во избежание термического поражения кожных покровов и получения ожогов первой степени.

Кажется, мозг Вероники окончательно завис. Она несколько раз моргнула, переводя взгляд с каменного лица Григория на свой ноутбук и обратно.

– Спасибо... за ценную информацию, Григорий, – наконец выдавила она из себя, растянув губы в улыбке, которая больше походила на оскал. – Но я, пожалуй, сама разберусь.

Она демонстративно отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Любой другой на его месте сторел бы со стыда и провалился сквозь землю. Но только не Григорий. Он, кажется, воспринял её ответ как согласие. Коротко кивнув, он произнёс тихо, но отчётливо, словно отдавая рапорт самому себе:

– Так точно. Задача выполнена.

После чего развернулся на пятках с военной чёткостью и тем же размеренным шагом удалился обратно в спасительную тень. Я видела его лицо в профиль. На нём было написано чувство глубокого удовлетворения от успешно проведённой операции. В его вселенной «контакт был установлен», и первый этап сближения пройден.

Я больше не могла сдерживаться. Я рухнула обратно на шезлонг и зарылась лицом в пушистое полотенце, чтобы мой хохот не распугал всех отдыхающих. Мои плечи тряслись, а из горла вырывались исключительно странные хрюкающие звуки. Я видела в своей жизни всякое, но чтобы мужчина начинал ухаживать за женщиной с доклада о траектории движения солнца и риске получения ожогов... Такого не было даже в самых смешных ростовских анекдотах.

Да уж, кажется, этот отпуск обещает быть ещё интереснее, чем я предполагала.

День, наполненный солнцем, детским смехом и запахом солёного моря, пролетел как один волшебный миг. Вечером, уложив уставших, но довольных детей по их кроватям в соседнем люксе, я на цыпочках, словно шпион на задании, вернулась в наш с Андреем номер. Наш. От этого простого слова меня до сих пор внутри потряхивало.

Я тихо прикрыла за собой тяжёлую дверь и замерла посреди комнаты, боясь дышать. Комната? Да это была целая квартира! Огромная, светлая, с мебелью такого нежного кремового цвета, что её было страшно трогать. А окна... Окна от пола до потолка, за которыми в бархатной южной темноте шумело море. Его тихий, размеренный рокот должен был успокаивать, но меня почему-то только сильнее будоражил.

Но главным экспонатом в этом личном музее роскоши была она. Кровать. Она была не просто большой. Она была аэродромом. На ней, мне кажется, можно было бы провести чемпионат по бадминтону. Белоснежное, хрустящее покрывало, целая гора подушек всех мыслимых форм и размеров... Она манила и пугала одновременно, как бесплатный сыр в мышеловке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.